

ЭКЗАРХ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТ СТЕФАН И МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

А. А. КОСТРЮКОВ

Статья посвящена последнему периоду церковно-административной деятельности митрополита Софийского Стефана (Шокова). Приводятся свидетельства современников о характере и личных качествах этого противоречивого иерарха. В 1945–1948 гг. митрополит Стефан был экзархом Болгарской Православной Церкви, принял участие в Совещании глав и представителей Автокефальных Православных Церквей 1948 г. Особенно важными и интересными представляются обстоятельства увольнения митрополита Стефана и его последующей ссылки. Переломным событием в судьбе экзарха стало совещание 1948 г. Являясь сторонником экуменизма, митрополит Стефан безуспешно пытался убедить в своей правоте патриарха Алексия и не допустить осуждения экуменических контактов Московским совещанием. Однако в Москве в те годы смотрели на экуменизм иначе. Советское руководство стремилось к созданию в Москве центра мирового православия, старалось противопоставить Московский Патриархат Константинополю, находившемуся под влиянием США и Великобритании. Поскольку Вселенский престол одобрял участие в экуменическом движении, то Московская Патриархия была вынуждена занять противоположную позицию. В этой связи участие Русской Церкви в экуменическом движении было невозможно. Митрополит Стефан, высказываясь за первенство Московского Патриархата в мировом православии, выступал за активное участие всех Поместных Церквей в экуменическом движении. Коммунистическое руководство приложило максимум усилий к тому, чтобы со стороны экзарха не прозвучало нежелательных заявлений на совещании. После окончания этого мероприятия судьба митрополита Стефана была решена. В том же 1948 г. он был уволен на покой и отправлен в ссылку. При этом Московская Патриархия не исключала возможности переезда митрополита Стефана в Россию и поселения его в каком-либо монастыре. Однако митрополит Стефан остался в Болгарии. Судьба экзарха лишний раз подтверждает, что независимая позиция иерарха в те годы грозила ему полным устранением от церковно-общественной жизни.

В истории русско-болгарских церковных отношений особое место занимает увольнение с поста экзарха Болгарской Церкви митрополита Софийского Стефана (Шокова). Этот яркий, но неоднозначный иерарх хорошо известен в православном мире и особенно в Болгарии. Архипастырь оставил о себе память как патриот и церковный политик, много сделавший для своей страны. Жизни и деятельности митрополита посвящены статьи, публикации и разделы моногра-

фий¹. Однако причины, предпосылки и обстоятельства его увольнения с поста экзарха пока не нашли должного отражения в исследованиях.

Митрополит Стефан (Шоков Стоян Попгеоргиев) родился 7 сентября 1878 г. в семье небогатого священника, окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия, в 1910 г. принял монашество. В годы Первой мировой войны о. Стефан находился в Женеве, потом во Фрибургском католическом университете, где защитил докторскую диссертацию. В Европе будущий экзарх принимал активное участие в экуменических мероприятиях². По сведениям советского МИДа, в Лондоне митрополит Стефан стал членом масонской ложи³. В 1921 г. о. Стефан был рукоположен во епископа Маркианопольского, в 1922 г. стал митрополитом Софийским, а в 1926 г. — членом Синода. Впоследствии митрополит Стефан доверительно рассказывал председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову о своем близком знакомстве с наркомом иностранных дел РСФСР—СССР Г. В. Чичериным. Митрополит Стефан говорил даже, что по указанию Чичерина он посещал Англию и Швейцарию с некоей важной миссией⁴.

Выполняя поручения советского наркома, митрополит Стефан искренне помогал русским изгнанникам, число которых в Болгарии в некоторые годы достигало 36 тыс. человек⁵. Иерарх принял участие в создании Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета, был его председателем. С 1921 г. архипастырь был верховным комиссаром по вопросам русских беженцев и болгарским представителем в Верховном комиссариате Лиги наций⁶. В довоенные годы митрополит Стефан поддерживал связи с Русской Зарубежной Церковью, участвовал в известном Карловацком соборе 1921 г., активно выступал против коммунистической диктатуры в России⁷, одно время призывал к крестовому походу против большевиков⁸. При этом в годы Второй мировой войны митрополит не скрывал своего отрицательного отношения и к германскому национал-социализму. С амвона собора Святой Недели экзарх обратился к царю Борису III с предупреждением, что предаст его анафеме, если он выдаст Германии болгар-

¹ См., напр.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953): роль Экзарха Стефана в возрождении Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 191–214; *Бълхова М.* Экзарх Стефан и новая власть: примирение и противостояние // Церковь в истории России. Сб. 8. М.: Российская академия наук. Институт Российской истории. 2009. С. 378–387; *Бойкикева А.* Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005. С. 180–182; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005; *Кадканджиева Д.* Българската Православна Църква и държавата: 1944–1953. София. 1997; *Косик В.* Русская Церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // Славяноведение. 2003. № 6; *Лазов Д.* Экзарх Стефан I: живот, апостолство и творчество. София, 1947; *Пантев А. и др.* 100-те най-влиятелни българи в нашата история. София, 1997; *Шкаровский М.* История русской церковной эмиграции. СПб., 2009. С. 52–91.

² См.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 194.

³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 216, 222.

⁴ Там же. Д. 16. Л. 128.

⁵ См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 123.

⁶ См.: *Шкаровский М.* История русской церковной эмиграции. С. 62–63; *Бойкикева А.* Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. С. 178, 179.

⁷ См., напр.: *Стефан, митр.* Нельзя больше молчать // Церковная жизнь. 1938. № 2. С. 25, 26.

⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 220.

ских евреев⁹. Сочувствуя славянскому единству, митрополит Стефан достаточно смело выступил и за победу России над Германией. По свидетельству протоиерея Всеволода Шпиллера, в дни Сталинградской битвы митрополит Стефан в проповеди в Александро-Невском соборе сказал о непобедимой мощи братского русского народа. «Чтобы говорить так тогда, — писал протоиерей В. Шпиллер, — нужно было иметь нечто гораздо большее, хотя бы и безмерного гражданского мужества. Поистине, то было исповедническое дерзание любви. То было пламенение подлинной любви»¹⁰.

В 1944 г., после вступления в Болгарию советских войск и прихода к власти Отечественного фронта, высказывания митрополита Стефана стали носить откровенно просоветский характер. «М[итрополит] Стефан, — вспоминал протопресвитер Георгий Шавельский, — быстро завязал приятельские отношения с русским военным командованием — с генералами Бирюзовым, Черепановым и другими; пошли званые обеды и ужины — м[итрополит] Стефан закармливал генералов у себя и у своих богатых друзей, генералы неизменно приглашали м[итрополита] Стефана на свои военные торжества, на которых он всегда выступал с речами»¹¹. 15 сентября 1944 г. митрополит произнес речь на радио Софии, где декларировал поддержку государству со стороны Церкви и призвал паству поддержать власть Отечественного фронта¹². При этом митрополит неустанно славословил коммунистических вождей, как советских, так и болгарских¹³. Показательно, что экзархом митрополит Стефан стал 21 января 1945 г., то есть уже при новой, «демократической», власти. По справедливому замечанию современной исследовательницы, в тот момент цели государства и Болгарской Церкви совпали — снятие схизмы Константинополем и выход Болгарии из международной изоляции были нужны и правительству, и церковному руководству¹⁴. Поэтому в тот период авторитет митрополита Стефана был новыми властями государства успешно использован.

Официальные данные, конечно, не могут дать полного представления об этом иерархе. Для понимания его послевоенной судьбы уместно привести несколько свидетельств современников. Яркий портрет митрополита Стефана изобразил близкий к нему протопресвитер Георгий Шавельский. «Митр[ополит] Стефан жил барином, — вспоминал он. — Его спальня, с широкой, пышной кроватью <...> напоминала более будуар светской львицы, чем келью отрекшегося от мира инока. Слуги и раздевали, и одевали его. Званые обеды и ужины следовали у него один за другим: митр[ополит] Стефан любил бывать в гостях у богатых людей и сам любил принимать гостей, любил, чтобы гости выходили из-за стола его сытыми и веселыми <...> М[итрополит] Стефан умел быть очаровательно любезным, терпеливым, снисходительным в обращении с людьми, но он же бывал невыносимо груб, и не только с простыми людьми, но и с митрополитами»¹⁵.

⁹ См.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 195.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 205. Подчеркивание документа.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. С. 677.

¹² См.: *Бойкикева А.* Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. С. 178.

¹³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 128, 142.

¹⁴ См.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 195.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 672.

Г. Карпов в своем отчете также отмечал, что во время пребывания в России болгарской делегации в 1945 г. он был свидетелем грубости митрополита Стефана по отношению к подчиненным. Так, экзарх публично называл епископа Парфения (Стаматова) «фашистом» и «дураком», место которому на кухне в горном монастыре¹⁶. И. В. Шпиллер в своих воспоминаниях говорит о характерной карикатуре на экзарха в болгарской газете «Зеленое знамя», где митрополит Стефан изображен проезжающим в роскошном лимузине мимо Христа, едущего на осле. Подпись под карикатурой гласила: «Встретившись, друг друга не узнали»¹⁷.

Увольнение митрополита Стефана с поста экзарха напрямую связано с одним из важных событий церковной истории XX в. — Московским совещанием глав и представителей Автокефальных Православных Церквей 1948 г. Как известно, совещание претендовало в истории православия на ключевую роль. В условиях противостояния между социалистическим лагерем и Западом советское руководство замышляло превратить Москву в центр мирового православия, оттеснив при этом Константинополь. Православный мир под руководством Москвы, по мнению советского руководства, мог стать единым в борьбе не только против Ватикана, но и против капиталистического Запада. Однако превратить Москву в такой центр не удалось. Среди причин низкой авторитетности, по которым совещание было проигнорировано Восточными Церквями, стало не только то, что оно было созвано через голову Константинополя, но и то, что ответы на поставленные вопросы уже были даны советским руководством. В результате члены совещания оказались скорее статистами, чем вершителями судеб православия. Исключением, естественно, были только те участники, чье мнение совпало с политикой государственного руководства.

Недоброжелательное отношение к экуменизму для советских лидеров было связано с глубоким убеждением, что за ним стоят интересы Запада. В своем письме заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому Г. Г. Карпов писал, что задача экуменистов — создать англо-американский церковно-политический блок, возглавляемый Англиканской Церковью. «Происходившие в 1946 году в Женеве (9 февраля) и Кембридже (9 августа) всемирные совещания экуменистов обсуждали главным образом политические вопросы. На Женевской конференции председательствовал Марк Богнер — выразитель интересов капиталистической верхушки Франции, на Кембриджской конференции председательствовал небезызвестный Джон Форстер Даллес, являющийся председателем комиссии по международным делам Всемирного совета церквей».

Высказался Карпов и по поводу намечавшейся в 1948 г. Амстердамской конференции, на которой был основан Всемирный совет церквей. Карпов писал, что на этой конференции «будут подвергнуты обсуждению вопросы не только и не столько чисто богословского характера, сколько вопросы об отношении христианских церквей к современному международному политическому положению, к материалистическим учениям, к коммунизму». Карпов считал, что «экуменическое движение представляет собой прикрываемое церковным знаменем политическое движение, направленное против коммунизма, против Советско-

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 126–127.

¹⁷ См.: Шпиллер И. Воспоминания об о. Всеволоде Шпиллере. 2-е изд. М., 1995. С. 34.

го Союза». Понятно, что вывод председателя Совета по делам РПЦ был вполне однозначным. Он считал, что Московское совещание должно добиться вовлечения в антиэкуменическое движение максимального количества Поместных Церквей. «Очень важно добиться, — писал Карпов, — чтобы на этом совещании точку зрения Русской церкви на экуменическое движение поддержали и остальные православные церкви. Трудно возлагать какие-либо надежды на те церкви, которые находятся в англо-американской сфере влияния и известно, что некоторые из них — Константинопольская, Греческая, Кипрская, Александрийская и другие — дали согласие на участие и поддержку экуменического движения. Мы заинтересованы в том, чтобы сложившееся в последнее время единство православных церквей Балканского полуострова, за исключением Греции, не было нарушено»¹⁸.

Таким образом, вопрос об осуждении участия Православной Церкви в экуменическом движении был предрешен на вершинах государственной власти. Принять соответствующее решение на совещании становилось чисто технической проблемой. И тем не менее не все было гладко. Камнем преткновения, как для государства, так и для Русской Церкви была позиция экзарха Болгарской Церкви митрополита Стефана. Экзарх оставался в некоторой степени идеалистом. Тоталитаризм в Болгарии только зарождался, и если русским архиереям было понятно, к чему приводит собственное мнение, то в Болгарии такого понимания еще не было, а надежды на демократию и свободу имели место. Поэтому митрополит Стефан достаточно свободно высказывал свои взгляды.

В некоторых вопросах митрополит Стефан соглашался с московским церковным руководством. Это касалось, например, первенствующего положения Московского Патриархата в церковных диптихах. Экзарх писал Патриарху Алексию, что Поместным Церквам необходимо прекратить все разговоры о первенстве Константинополя в православном мире. «Меня начинает раздражать, — писал митрополит Стефан, — частое греческое напоминание, что Константинопольская Церковь — мать наших церквей, что мы “дочерние” церкви, и умолчание о том, что эти «дочерние» церкви на протяжении почти тысячелетия щедро расплачивались за эту греческую услугу, материально ублажая и Константинопольский, и другие греческие патриархаты <...> Материнство в церковном управлении совсем не обязательно влечет за собою преимущества чести и тем более преимущества власти. Ближайший пример этому — те же восточные патриархаты: первые три считают своею матерью Иерусалимскую церковь, однако их патриархи поставлены выше Иерусалимского Патриарха. Расхождение с восточными патриархами, конечно, неприятный печальный факт. Но не надо придавать ему значение большее, чем он заслуживает. Наши паствы безмерно превосходят греческие, наше, а в особенности Ваше, православие чище, одухотвореннее греческого. Мы достаточно сильны, чтобы без помощи греков исправлять и направлять нашу церковную жизнь»¹⁹.

Однако если в вопросе диптихов митрополит не проявлял принципиальности, то в деле защиты экуменизма митрополит Стефан был тверд. Более того,

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 21, 22.

¹⁹ Там же. Л. 26, 27.

эксзарху удалось убедить в своей правоте болгарское государственное руководство²⁰. Экзарх пытался привлечь на свою сторону и Патриарха Алексия. В своем письме Патриарху от 30 октября 1947 г. митрополит Стефан предъявлял целый набор аргументов. Митрополит говорил, например, что участие Православной Церкви в экуменических контактах есть свидетельство о Церкви, позволяющее православным «выйти из изоляции». Митрополит Стефан указывал, что протестанты не хотят отвращать православных от веры. Наоборот, благодаря межконфессиональным контактам приобретают уважение к Православной Церкви. Экзарх писал также, что в экуменическом движении участвует более 130 протестантских церквей. По мнению иерарха, участие в экуменическом движении поможет Церкви осуществить целый ряд нравственных задач. «Известен печальный факт, — писал митрополит Стефан, — как далеко отстояли раньше, до появления экуменического движения, множество инославных церквей от древней вселенской веры и от единства св[ятой] Церкви. А ныне мы уже имеем отраднейший факт, что в инославном экуменическом мире единство Церкви в вере и устройстве ищут в вере св[ятой] древней нераздельной Церкви Христовой». Ссылался митрополит Стефан и на богословский съезд в Афинах 1936 г., признавший полезным участие Православной Церкви в экуменическом движении²¹.

Однако убедить Патриарха Алексия оказалось нелегко. Святейший Патриарх в своем письме митрополиту Стефану опроверг его доказательства: «В послании Вашем Вы пишете: инославные “имеют искреннее устремление к единству св[ятой] Церкви... для совместного проведения в жизнь христианских нравственных начал”. Но ведь мы знаем, что православие признает одно единство — на пути в Царствие Божие; стремление же человечества к единству в мирской жизни, к углублению в материалистические начала земной жизни, в экономическую и социальную систему — отвергается православием, которое стремится к “единому на потребу”». Патриарх Алексей писал, что задача Церкви состоит в привлечении инославных и иноверных в Церковь, а не в том, чтобы добиться от них каких-то непонятных симпатий. «Приобретение только “почтения и симпатий” инославия к Православию, — писал Патриарх, — не наша цель <...> Надо различать миссионерские подвиги от экуменических конференций». Нисколько не убеждало главу Русской Церкви и участие в экуменическом движении множества протестантских организаций. Патриарх писал: «Ваше упоминание об участии целых 130 христианских церквей не может придать существенного авторитета этому движению. Дело не в количестве. Назавтра протестантский мир может представить делегатов от удвоенного количества церквей, поскольку для него нет запрета на дробления на все более и более мелкие общины»²². Для Патриарха Алексия не был аргументом и факт участия в экуменическом движении православных греков. Патриарх считал, что такое участие ведет Православную Церковь к утрате важных элементов веры и нарушению традиции. Богословский съезд в Афинах, упомянутый митрополитом Стефаном, не был авторитетом для Московского Патриарха, который указывал на сомнительные новшества, пред-

²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 63.

²¹ Там же. Л. 43–47.

²² Там же. Л. 34, 35.

ложенные в Афинах под влиянием протестантов, например составление нового свода канонов и пересмотр литургических текстов. Патриарх писал, что ради временного благополучия жертвовать чистотой православного вероучения нельзя. «Пали в своем авторитете многие совне изукрашенные церковные престолы, — писал Патриарх Алексей, — К несчастью, они продолжают пытаться за счет духовного благополучия возродить свою силу, понимая под этим не вечную славу пред Богом, а временную мирскую, преходящую славу»²³.

Искренне писал Патриарх Алексей или нет, определенно сказать нельзя, ведь его переписка с митрополитом Стефаном проверялась и редактировалась на государственном уровне²⁴. Однако было понятно, что Московская Патриархия не собирается идти курсом, предложенным Болгарским экзархом.

В оставшиеся до совещания месяцы митрополит Стефан пытался действовать и другими способами. Он, например, добился включения в состав болгарской делегации сторонников широких компромиссов с инославными — протопресвитеров Георгия Шавельского и Стефана Цанкова. Протоиерей Всеволод Шпиллер сообщал митрополиту Григорию (Чукову), что протопресвитер Г. Шавельский строит свой доклад на основании сочинений Л. А. Зандера, а протопресвитер С. Цанков — на протестантских материалах²⁵. Протоиерей В. Шпиллер обладал верной информацией. Действительно, сохранившийся доклад протопресвитера Г. Шавельского построен во многом на трудах Зандера²⁶. Протоиерей В. Шпиллер предупреждал, что защитники экуменического движения постараются представить экуменизм в виде богословского мнения Болгарской Церкви. Кроме того, для обоснования своих идей болгарская делегация планировала использовать доводы профессора Н. С. Арсеньева, которые тот приводил в своем выступлении в Эдинбурге в 1937 г. Протоиерей С. Цанков говорил в частных беседах, что Московское совещание надо «припереть к стенке» авторитетом митрополита Филарета Московского. Поскольку внимательно изучить труды святителя Филарета у болгарских экуменистов не было возможности, они решили использовать изъятые из контекста ссылки на митрополита, приведенные Арсеньевым. В частности, ссылаясь на признание святителем, да и всей Церковью некоторых таинств инославных, протопресвитер С. Цанков предполагал обосновать свой любимый тезис о недостижимости до неба «земных перегородок». Поскольку оправдать экуменическое движение таким способом было все же очень непросто, болгарская делегация приготовила еще один ход. Он состоял в намерении «припугнуть Москву <...> схизмой», обвинить Русскую Православную Церковь в расколе. «То есть, — излагал план болгарской делегации протоиерей В. Шпиллер, — весь православный мир участвует в экуменическом

²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 36, 37.

²⁴ «Ответ Патриарха Алексея на письмо Митрополита Стефана не вызывает возражений и может быть направлен адресату», — писал, например, заместитель иностранных дел В. Зорин заместителю председателя Совета по делам РПЦ С. Бельшеву весной 1948 г. (см.: Там же. Л. 40).

²⁵ Там же. Л. 102.

²⁶ См.: ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–8.

движении, стало быть, Русская Православная Церковь находится в положении уходящей в раскол»²⁷.

Митрополит Стефан с целью не допустить осуждения экуменизма пытался принять и другие меры — не ехать на совещание, воспрепятствовать утверждению Болгарским Синодом членов делегации, чтобы впоследствии заявить, что они не имели полномочий и т. д. Однако все, что задумывалось митрополитом Стефаном, быстро становилось известным в Москве. Патриарх Алексий на случай неожиданностей принял решение укрепить московский антиэкуменический лагерь. По этой причине Патриарх решил пригласить на совещание противника экуменизма архиепископа Серафима (Соболева). Государственное руководство СССР приняло свои меры, добившись включения в состав болгарской делегации только тех священнослужителей, которые не допустят на совещании нежелательных заявлений²⁸.

Наконец, самому митрополиту Стефану был предложен сан патриарха. «Стефану нужно дать понять, — говорил заместитель председателя Совета министров Болгарии В. П. Коларов, — что патриарший трон будет дан только при соответствующем его поведении». В документах МИДа СССР среди задач по Болгарии было указано обещать митрополиту Стефану патриарший сан «при условии его прямой, единой и искренней с Московской Патриархией линией и полного разрыва с экуменизмом»²⁹. Для достижения успеха с митрополитом Стефаном беседовал сам лидер болгарской компартии Георгий Димитров. Тем не менее в течение всего периода пребывания митрополита Стефана в Москве советские спецслужбы были в напряжении относительно того, не будет ли «диверсий» со стороны экзарха. Даже находясь в Москве, митрополит Стефан связывался с Коларовым относительно гарантий возведения его в сан патриарха. Получение таких гарантий побудило митрополита отказаться от выступлений на совещании³⁰.

Хотя митрополит Стефан вел себя на совещании так, как от него требовало советское руководство, судьба экзарха была решена. М. И. Бълхова пишет, что вопрос о снятии митрополита Стефана был решен еще до совещания, однако менять экзарха во время его проведения было нецелесообразным. После проведения совещания причин для оставления митрополита Стефана на своем посту больше не было³¹. По мнению исследовательницы, главной причиной смещения митрополита Стефана стала его самостоятельность, в то время как болгарскому коммунистическому руководству необходим был послушный иерарх³². Согласно воспоминаниям протопресвитера Г. Шавельского (которым все же нельзя особо доверять хотя бы по той причине, что экуменический спор 1948 г. автором во-

²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 103.

²⁸ Подробнее см.: *Кострюков А.* Предпосылки участия архиепископа Серафима (Соболева) во Всеправославном совещании 1948 года // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2010. Вып. 2 (35). С. 58–59.

²⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 418. Л. 94, 95.

³⁰ Там же. Л. 81, 92, 177.

³¹ См.: *Бълхова М.* Экзарх Стефан и новая власть: примирение и противостояние. С. 385–386.

³² См.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 202.

обще не рассматривается), снятие митрополита Стефана было вызвано тем, что его враги в Синоде не хотели его возвышения³³.

Сам митрополит Стефан не замечал туч, сгущающихся над ним, и продолжал вести себя независимо, мечтая о будущем патриаршестве и рассуждая о том, какое место он займет в диптихах³⁴. Одним из способов давления на власть со стороны митрополита Стефана был своеобразный шантаж, заключавшийся в постоянных угрозах уйти на покой. Митрополит Стефан был уверен, что если даже Синод примет его отставку, правительство Болгарии ее не утвердит³⁵. Однако теперь в Синоде знали, что митрополит Стефан потерял поддержку, и использовали методы митрополита Стефана против него.

Согласно справке, подготовленной в Совете по делам РПЦ, во время заседания Синода экзарх неожиданно поменял повестку дня и выдвинул два вопроса — о епископе Андрее, управлявшем приходами Болгарской Церкви в Северной Америки, и архимандрите Горазде (Ангелове), представителе Болгарской Церкви в Турции³⁶. Члены Синода не согласились с мнением митрополита Стефана по этим вопросам и обвинили его в превышении полномочий. Особенно активно выступал против экзарха митрополит Врачанский Паисий. Митрополит Стефан назвал митрополита Паисия террористом и крикнул ему: «Вон!» Митрополит Паисий покинул заседание, однако Синод встал на его сторону и потребовал от экзарха извинений. Митрополит Стефан по старой привычке пригрозил отставкой и подал соответствующее заявление. Неожиданно для митрополита Стефана Синод 8 сентября принял отставку³⁷. Синод, согласно официальному постановлению, «приняв во внимание тяжелое состояние здоровья экзарха Стефана и некоторые важные соображения чисто церковного характера, единодушно решил принять отставку и освободить его от должности экзарха Болгарии и митрополита Софийского». Пост экзарха перешел к митрополиту Доростольскому и Червенскому Михаилу (Чавдарову), хотя фактически управление Болгарской Церкви сконцентрировалось в руках митрополитов Паисия и Кирилла (будущего патриарха)³⁸. Митрополит Стефан был смещен Синодом и с Софийской кафедры. Имеются документы, подтверждающие, что заседание Синода было хорошо срежиссированным спектаклем, причем исполнение его государственными властями Болгарии было возложено на митрополитов Паисия и Кирилла, к которым присоединился и митрополит Филарет. Решение Синода было уже 10 сентября утверждено правительством. Согласно одному из пунктов постановления, бывшему экзарху были запрещены выезды за границу. Разрешались только поездки в СССР для лечения и посещения монастырей³⁹.

Митрополит Стефан поздно понял свою ошибку. Некоторое время он пытался примириться с Синодом, обещал компромиссы, пробовал договориться с

³³ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 686.

³⁴ Там же.

³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 198–199.

³⁶ Там же. Л. 10; Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. С. 686.

³⁷ Там же. Л. 10–11. См. также: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 203.

³⁸ Там же. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 6, 15.

³⁹ См.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 203.

Димитровым и Коларовым⁴⁰ (с последним митрополит лично беседовал 30 октября). При этом митрополит Стефан прибегал к угрозам, заявляя, что перейдет в Московский Патриархат. Митрополит при этом ссылался на некие договоренности с Патриархом Алексием, который якобы обещал назначить его экзархом Западной Европы либо поставить на Одесскую кафедру⁴¹. В определенный момент болгарское руководство не исключало возможности разрешить митрополиту Стефану переехать в СССР. Коларов даже сказал бывшему экзарху: «...они богатые, и дадут Вам все». Однако митрополит Стефан от переезда отказался, по-видимому рассчитывая, что будет восстановлен в правах в Болгарии⁴². Тем более что последующие попытки митрополита Стефана договориться с Русской Церковью и советским правительством успехом не увенчались. Митрополит Стефан дошел даже до заместителя председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова, прося его поспособствовать переезду в Россию и принятию в Русскую Церковь. Советское правительство со своей стороны ссылалось на якобы имевшее место нежелание самой Русской Церкви принимать митрополита Стефана и гарантировало ему только место на покое в одном из русских монастырей.

Сам митрополит Стефан в определенный момент соглашался переехать в русский монастырь, причем просился на Новый Афон, хотя монастырь не действовал. Вопрос о возможности поселить митрополита Стефана в России рассматривался в Совете по делам РПЦ. Запрашивалось мнение Патриарха Алексия и митрополита Николая (Ярушевича). Последний не исключал такой возможности, ссылаясь на имевшие место прецеденты. В качестве места для проживания опального иерарха митрополит Николай предлагал Псково-Печерский монастырь, Троице-Сергиеву лавру или монастырь в Мцхете (Грузия) по договоренности с Грузинским Патриархом. Однако лучшим местом для бывшего Экзарха митрополит Николай считал Почаевскую лавру, как расположенную далеко от столиц и отличающуюся хорошим экономическим положением⁴³.

Совет по делам РПЦ со своей стороны выступал против Почаева из опасений, что митрополит Стефан найдет из местных монахов «агентов для связей со сторонниками в эмиграции». Лучшим вариантом для Совета было бы размещение митрополита Стефана в Ташкенте, однако такое «решение» проблемы обернулось бы международным скандалом. Но против Мцхеты Совет не возражал⁴⁴. Конечно, размещение в Грузии также было бы ссылкой, хотя, по сравнению со Средней Азией, и не столь явной.

Сам митрополит Стефан считал, что Московская Патриархия предала его. Об этом он в октябре 1948 г. говорил протопресвитеру Николаю Колчицкому во время его визита в Болгарию. Однако протопресвитер Н. Колчицкий сказал, что отставка митрополита Стефана — внутреннее дело Болгарской Церкви, и Русская Церковь вмешиваться в это дело не может⁴⁵. Обида митрополита Стефана была не

⁴⁰ См.: Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1953 гг. М., 2009. Т. 1. С. 408.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 15, 191, 197.

⁴² Там же. Л. 197.

⁴³ Там же. Л. 24, 72.

⁴⁴ Там же. Л. 24.

⁴⁵ Там же. Л. 70.

вполне справедливой — Патриарх Алексей со своей стороны пытался облегчить участь бывшего экзарха и ходатайствовал о его переводе в Почаев перед Карповым⁴⁶. То, что ходатайства Патриарха не были успешными, не его вина.

Вопрос о выселении митрополита Стефана из Софии был решен в течение сентября 1948 г.⁴⁷ В ноябре 1948 г. митрополиту Стефану было предписано поселиться в селе Бяня Карловско-Пловдивской области. Протопресвитер Г. Шавельский вспоминал, что митрополит пытался не подчиниться требованию правительства и был доставлен к месту ссылки с помощью милиции. Здесь митрополиту был представлен домик в одну комнату. В двух соседних домиках поселились два его прислужника, которые, по-видимому, по совместительству были и осведомителями спецслужб. Ближайший православный храм находился в километре от дома митрополита⁴⁸.

В своем письме архиепископу Серафиму (Соболеву) от 25 ноября 1948 г. митрополит Стефан писал: «Я уже в изгнании! Вчера меня заставили поселиться здесь при самых тяжелых обстоятельствах. Дом, в котором меня поселили, конечно, против моей воли, почти необитаемый; в нем нет воды, освещения, отопления и никаких принадлежностей для спальни и кухни. Пахнет, нездоровый воздух и лишен самых элементарных удобств. Я, значит в ссылке и еще какая!⁴⁹ Молитесь обо мне, ибо я в таком состоянии, что можно ожидать и неожиданную смерть. Я тысячу раз бы предпочел умереть, нежели жить при такой обстановке. Для отдыха и речи быть не может, ибо нет возможности. Холод и неудобства отнимают и последнюю минуту отдыха. Молитесь, молитесь Богу да будет Его воля!»⁵⁰ Весьма тяжелым для митрополита было и то, что у него отняли библиотеку, архивы и личную корреспонденцию из кабинета. При этом митрополит Стефан, по-видимому, до последнего момента не верил, что будет отправлен в ссылку, а потому не успел взять с собой необходимые вещи⁵¹.

Протопресвитер Георгий Шавельский вскоре после этих событий писал: «Со всем недавно его не вмещали дворцы, теперь он должен довольствоваться одной комнаткой; тогда его не удовлетворяли сотни тысяч левов <...> теперь он должен учитывать каждый лев, чтобы не остаться без денег; роскошный автомобиль отнят у него, и для передвижений остались у него только собственные ноги <...> раньше без нескольких архиереев и сонма священников он не совершал богослужений, теперь он без разрешения Пловдивского митрополита, своего бывшего подчиненного, не может совершить ни одной службы. Для бывшего экзарха настоящее его положение является величайшим испытанием, напоминающим одиночное заключение, оторвавшим его от суеты мирской, услаждавшей его прежнюю жизнь». По мнению протопресвитера Г. Шавельского, митрополит Стефан мог претендовать на достойные условия для проживания, однако не использовал такую возможность в надежде на скорое возвращение на вершины церковной вла-

⁴⁶ См.: Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1963 гг. Т. 1. С. 409.

⁴⁷ См.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 203.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 688.

⁴⁹ Так в тексте.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 194. Орфография документа.

⁵¹ См.: *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953)... С. 203.

сти⁵². Действительно, митрополит Стефан в последующие годы пытался вернуться к церковно-административной деятельности⁵³. Впоследствии бывший экзарх смирился со своим положением, стал писать мемуары⁵⁴ и начал добиваться перемены места жительства. Митрополит был согласен, чтобы его переместили хотя бы в Пловдив. В качестве аргументов митрополит называл необходимость жить ближе к какому-нибудь храму и пункту медицинской помощи⁵⁵. Однако митрополит так и не дождался улучшения своей участи. 14 мая 1957 г. он скончался в изгнании.

Таким образом, Московское совещание 1948 г. стало последним важным событием в церковной карьере митрополита Стефана. Можно с достаточной долей уверенности сказать, что позиция митрополита накануне этого мероприятия стала причиной того, что Московская Патриархия придала вопросу экуменизма большее значение, сумела подготовиться к полемике. Пример послевоенной судьбы митрополита Стефана в очередной раз подтверждает и факт церковной несвободы в странах советского влияния. Действительно, уже 1948 г. был ознаменован новыми преследованиями Церкви в СССР, а 1949 г. стал началом полноценной антицерковной кампании. Судьба митрополита Стефана была естественной для периода, когда мнение священнослужителя, не совпадающее с линией партии, грозило ему полным отстранением от церковной жизни.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Болгарская Православная Церковь, Патриарх Алексий I, митрополит Стефан (Шоков), Совещание глав и представителей Автокефальных Православных Церквей 1948 г., Совет по делам РПЦ, экуменизм.

EXARCH OF THE BULGARIAN CHURCH METROPOLITAN STEPHEN AND THE MOSCOW PATRIARCHY

A. KOSTRJKOV

The article covers the last period of church-administrative activity of the Sofia's metropolitan Stephen (Shokov). The author describes the testimonies of contemporaries about the character and personal qualities of this ambiguous hierarch. In 1945–1948 metropolitan Stephen was the exarch of the Bulgarian Orthodox Church and participated in the Meeting of heads and representatives of Autocephalous Orthodox Churches in 1948. The author considers the circumstances of the dismissal of metropolitan Stephen and his exile as especially important and interesting ones. The

⁵² ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 688.

⁵³ См.: Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1963 гг. Т. 1. С. 476.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 691.

⁵⁵ См.: Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1954–1970 гг. М., 2010. Т. 2. С. 103–104.

meeting of 1948 became the critical event in the exarch's destiny. Being the supporter of ecumenism, metropolitan Stephen tried unsuccessfully to convince Patriarch Alexis of his rightness in order not to allow the condemnation of ecumenical contacts by the Moscow meeting. However Moscow looked on ecumenism differently in those days. In Moscow the Soviet management aspired to establishment of the centre of World Orthodoxy and tried to cite the Moscow Patriarchy against Constantinople that was under the influence of the USA and the Great Britain. As the Constantinople Patriarchy approved the ecumenical movement, the Moscow Patriarchy has been forced to take of an opposite position. Therefore, the participation of the Russian Church and Churches of the socialist countries in the ecumenical movement was impossible. Metropolitan Stephan, supporting the superiority of the Moscow Patriarchy in the World Orthodoxy, supported the active participation of all Local Churches in the ecumenical movement. The communistic management applied the maximum force to the exarch in order he has not made undesirable statements at the meeting. The fate of metropolitan Stephan has been decided after this meeting. In 1948 he was fired and exiled. The Moscow Patriarchy did not exclude the possibility of moving of metropolitan Stephan to Russia and his location in any monastery. However metropolitan Stephan remained in Bulgaria. The destiny of the exarch confirms once again, that the independent position of the hierarch threatened him with full elimination from a church-public life in those years.

Keywords: the Russian Orthodox Church, the Bulgarian Orthodox Church, Patriarch Alexis I, metropolitan Stephan (Shokov), the Meeting of the heads and representatives of Local Orthodox Churches in 1948, the Affairs' Council of the Russian Orthodox Church, ecumenism.

Список литературы

1. *Бойкикева А.* Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София: 2005.
2. *Бълхова М.* Болгарская Православная Церковь (1945–1953): роль Экзарха Стефана в возрождении Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 191–214.
3. *Бълхова М.* Экзарх Стефан и новая власть: примирение и противостояние // Церковь в истории России. Сб. 8. М.: Российская академия наук. Институт Российской истории. 2009. С. 378–387.
4. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.
5. *Кадканджиева Д.* Българската Православна Църква и държавата: 1944–1953. София. 1997;
6. *Косик В.* Русская Церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // Славяноведение. 2003. № 6.
7. *Кострюков А.* Предпосылки участия архиепископа Серафима (Соболева) во Всеправославном совещании 1948 года // Вестник ПСТГУ: II. 2010. Вып. 2 (35).
8. *Лазов Д.* Экзарх Стефан I: живот, апостолство и творчество. София. 1947.
9. *Пантев А.* и др. 100-те най влиятелни българи в нашата история. София. 1997;
10. Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1963 гг. Т. 1. М., 2009.
11. *Стефан, митр.* Нельзя больше молчать // Церковная жизнь. 1938. № 2.
12. *Шкаровский М.* История русской церковной эмиграции. СПб: 2009. С. 52–91.
13. *Шпиллер И.* Воспоминания об о. Всеволоде Шпиллере.